

Убийство на поле для гольфа

Автор:

[Агата Кристи](#)

Убийство на поле для гольфа

Агата Кристи

Эркюль Пуаро #2

В этом романе о приключениях великого сыщика Эркюлю Пуаро приходится расследовать несколько загадочных убийств на вилле «Женевьева».

Агата Кристи

Убийство на поле для гольфа

Глава 1

Попутчица

Вероятно, многие помнят известный анекдот о том, как молодой автор, желая сразить наповал пресыщенного редактора, которого ничем уже не проймешь, сразу взял быка за рога и начал свой роман словами: «Черт побери! – воскликнула герцогиня».

Удивительное совпадение, но история, которая приключилась со мною, имеет очень похожее начало. Правда, юная леди, с уст которой сорвалось упомянутое мною энергичное выражение, явно не принадлежала к титулованным особам.

Стояло самое начало июня. Закончив дела в Париже, я возвращался утренним поездом в Лондон, где мы с моим старым другом Эркюлем Пуаро, удалившимся от дел бельгийским сыщиком, снимали квартиру.

Экспресс Париж – Кале[1 - Кале – город во Франции на проливе Па-де-Кале, отделяющем Францию от Англии.] был на удивление пуст. В купе, кроме меня, находился всего один пассажир, которого я едва заметил краем глаза, озабоченно пересматривая свой багаж, наспех упакованный в гостинице. Но вот поезд тронулся, и тут мой попутчик, вернее, попутчица весьма решительно напомнила о своем присутствии. Вскочив с места, она опустила стекло и высунулась наружу, потом, со стуком водворив его на место, громко выпалила: «Черт подери!»

Вообще-то по нынешним временам я несколько старомоден, считаю, например, что женщине не пристало расставаться с исконными женскими добродетелями. Терпеть не могу нынешних нервических молодых особ, которые только и знают, что дергаются под музыку джаз-банда, дымят, точно паровоз, и изъясняются так, что могут вогнать в краску торговков с Биллингсгейта[2 - Биллингсгейт – большой рыбный рынок в Лондоне.].

Я бросил не слишком приветливый взгляд на хорошенькую головку, лихо увенчанную маленькой красной шляпкой. Довольно дерзкая девица! Густые черные завитки скрывали уши. Вряд ли ей было больше семнадцати, несмотря на толстый слой пудры, покрывавшей ее лицо, и губы, покрашенные не просто ярко, а что называется вырви глаз.

Нимало не смущаясь, она ответила на мой взгляд и скорчила презрительную гримаску.

– Скажите на милость! Почтенный джентльмен, кажется, шокирован! – воскликнула она, адресуясь к воображаемой публике. – Прошу прощения! Дурной тон и всякое такое... но, ей-богу, я не виновата! Представляете, куда-то делась моя сестра, моя единственная сестра!

– Вот как? – вежливо осведомился я. – Право, мне очень жаль!

– Он нас осуждает, – заметила девушка. – Осуждает и меня, и мою сестру. И это уже совсем несправедливо, ведь он ее даже не видел.

Я хотел было возразить ей, но она и рта не дала мне открыть:

– Ни слова более! Никто меня не любит! Я удалюсь в пустыню и буду жить, акридами питаюсь! [З - Фразеологическое выражение, означающее: скудно, впроголодь питаться (акриды – род съедобной саранчи).] О-о-о! О, горе мне, о, горе!

Она спряталась за французским юмористическим журналом огромного формата. Но не прошло и минуты, как я заметил, что девушка поверх журнала украдкой кидает на меня любопытные взгляды. Как я ни крепился, мне не удалось сдержать улыбки. Тогда и она, отбросив журнал, разразилась веселым смехом.

– Я так и думала – вы не такой зануда, каким показались мне вначале, – воскликнула она.

Незнакомка смеялась так заразительно, что и я невольно тоже расхохотался, хотя словечко, которым она наградила меня, было не слишком лестно.

– Ну вот! Мы и подружился! – объявила дерзкая девчонка. – Скажите, вы огорчены, что моя сестра...

– Я безутешен!

– Смотрите, какой добренький!

– Однако позвольте мне закончить мою мысль. Я хотел сказать, хоть я и безутешен, надеюсь, я как-нибудь примирюсь с ее отсутствием, – заметил я, отвешивая легкий поклон.

В ответ на мои слова эта абсолютно непредсказуемая особа нахмурилась и покачала головой.

– Ну, хватит! Мне больше нравится, как вы изображаете благородное негодование. Не нашего, мол, круга. И тут вы совершенно правы, хотя имейте в виду, в наше время не так все просто. Не каждый отличит даму полусвета от герцогини. Ну вот, кажется, я снова шокировала вас! И откуда вы такой взялись, ну просто допотопный тип. А впрочем, мне это даже нравится. Я ведь могу

поладить с каким-нибудь снобом и похлеще вас. Но вот кого терпеть не могу, так это нахалов! Они меня просто в бешенство приводят.

Она решительно тряхнула головой.

- Интересно, какая вы в бешенстве? - с улыбкой спросил я.

- О, сущий черт! Могу натворить что угодно! Однажды чуть по физиономии не врезала одному типу. И поделом ему!

- Пожалуйста, - взмолился я, - не впадайте в бешенство в моем присутствии.

- Обещаю. Вообще-то вы мне с первого взгляда понравились. Правда, вид у вас был ужасно неприступный, никогда бы не подумала, что мы так славно разговоримся.

- Вот и ошиблись. А теперь расскажите мне немного о себе.

- Чего рассказывать? Я актриса. Нет, совсем не то, что вы думаете. Я с шести лет на арене - кувыркаюсь.

- Прошу прощения, не понял, - сказал я озадаченно.

- Вы что, не видели детей-акробатов?

- Ах, вот оно что!

- Родилась в Америке, но почти все время живу в Англии. Сейчас мы подготовили новое выступление...

- Мы?

- Ну да, мы с сестрой. Песни, танцы, репризы, ну и немного акробатики. Словом, совсем новый жанр, публику бьет наповал. Надеемся, сборы будут...

Доверчиво подавшись ко мне, моя новая знакомая пустилась рассуждать о предмете, в котором я был совершенный профан. Однако неожиданно для самого себя я обнаружил, что девушка вызывает у меня все больший интерес. Меня забавляло в ней необычное сочетание ребячливости и женственности. Вопреки явному желанию казаться этаким опытной, искушенной особой, способной постоять за себя, в ней проглядывало детское простодушие и наивная решимость во что бы то ни стало преуспеть в своем деле.

Тем временем мы миновали Амьен, который слишком живо напоминал мне о недавнем прошлом[4 - Амьен - город на севере Франции на реке Сомма, где во время Первой мировой войны в августе 1918 года англо-французские войска провели крупную наступательную операцию против немецких армий, которая привела к поражению Германии и ее последующей капитуляции.]. Моя спутница каким-то шестым чувством поняла, что творится в моей душе.

- Войну вспоминаете, да?

Я кивнул.

- Участвовали в сражениях?

- Еще как! Был ранен, ну а потом, после Соммы, меня демобилизовали. Теперь я что-то вроде личного секретаря у одного члена парламента.

- Вот это да! Интересно, должно быть?

- Ну, не сказал бы. Делать там решительно нечего. Мои обязанности отнимают у меня не более двух часов в день. Весьма нудная работа. Просто не знаю, что бы я делал, если бы не нашел занятие, которое меня очень увлекает.

- Упаси господи! Неужто вы коллекционируете жуков?

- Да нет, успокойтесь! Я снимаю квартиру с одним очень интересным человеком. Он бельгиец, бывший детектив. Сейчас в Лондоне занимается частным сыском, непревзойденный специалист в этом деле. Поистине, это самый удивительный человек, какого мне приходилось встречать. Он не раз распутывал такие дела, где полиция оказывалась совершенно бессильна.

Моя хорошенькая спутница слушала, широко раскрыв глаза.

– До чего же интересно, правда? Я просто обожаю преступления. Ни одного детективного фильма не пропускаю, а уж когда случаются убийства, меня не оторвешь от газет.

– Слышали о деле в Стайлзе? – спросил я.

– Пойдите, там почтенная старушка, которую отравили? Где-то в Эссексе?

Я кивнул.

– Ну так вот, это первое крупное дело Пуаро. Если бы не он, убийцу ни за что бы не нашли. Да, здесь он показал себя непревзойденным профессионалом.

Сев на любимого конька, я пустился вспоминать подробности этого запутанного дела, не преминув особенно ярко обрисовать его неожиданное и триумфальное завершение. Девушка слушала мой рассказ затаив дыхание. Мы были так поглощены разговором, что не заметили, как поезд прибыл в Кале.

Я подозвал носильщиков, и мы спустились на платформу. Девушка протянула мне руку:

– Прощайте, обещаю следить за своей речью.

– Позвольте хотя бы проводить вас на пароход?

– Нет, мне не на пароход. Подожду еще, может, моя сестра все же объявится. Но все равно спасибо.

– Как, неужели мы никогда больше не увидимся! И вы не скажете мне даже вашего имени? – вскричал я, видя, что девушка уходит.

Она оглянулась и, смеясь, бросила через плечо:

– Сандрильона![5 - Имя героини народной сказки о Золушке в версии французского писателя Ш. Перро (1628–1703).]

Я и не подозревал в ту минуту, при каких обстоятельствах мне снова придется встретиться с нею.

Глава 2

«Ради всего святого, приезжайте!»

На следующее утро в пять минут десятого я вошел в нашу общую гостиную, где мы обычно завтракали. Мой друг Пуаро, отличавшийся необыкновенной пунктуальностью, как раз разбивал скорлупу второго яйца.

Увидев меня, он просиял.

– Надеюсь, хорошо спали? Пришли в себя от этой ужасной болтанки на море? Удивительно, вы сегодня явились к завтраку почти вовремя. Pardon, у вас галстук сбился. Позвольте, я поправлю.

Кажется, я уже где-то описывал наружность Эркюля Пуаро. Начать с того, что он необыкновенно мал ростом – пять футов и четыре дюйма, яйцеобразная голова, обычно немного склоненная набок; глаза, в которых в минуты возбуждения мелькает зеленая искорка; жесткие, воинственно торчащие усы; величавый, исполненный гордого достоинства вид. Одет всегда с иголки и выглядит весьма элегантно. Невероятный аккуратист. Во всем без исключения. Небрежно завязанный галстук, загнутый уголок воротничка или ничтожная пылинка на одежде причиняют ему невыносимые страдания, если только он лишен возможности немедленно и собственноручно навести должный порядок. Порядок и методичность – вот два идола, которым он поклоняется. Он всегда испытывал легкое презрение к вещественным уликам, таким, скажем, как следы или пепел от сигареты, утверждая, что сами по себе они ни в коей мере не могут помочь расследованию. Постукивая по своей яйцеобразной голове, он, бывало, говорил с забавным самодовольством: «Настоящая работа совершается здесь, внутри, серыми клеточками. Никогда не забывайте о серых клеточках, mon ami!»[6

- Мой друг (фр.).]».

Я подсел к столу и небрежно заметил в ответ, что назвать «ужасным» короткое, не более часа, морское путешествие из Кале в Дувр[7 - Дувр – город и порт в Великобритании в графстве Кент у пролива Па-де-Кале, ближайший к европейскому берегу.], пожалуй, было бы с моей стороны сильным преувеличением.

- А что почта, нет ли чего-нибудь занятного? – осведомился я.

Пуаро разочарованно покачал головой.

- Правда, писем я еще не читал, да и то сказать, что может быть интересного в наши дни? Великие преступления, разгадка которых требует безупречно организованной работы ума, где они?

И он поник головой с таким унылым видом, что я невольно расхохотался.

- Не падайте духом, Пуаро, удача еще улыбнется вам. Прочтите письма – как знать, вдруг какое-нибудь занятное дело замаячит на горизонте?

Пуаро улыбнулся и, взяв маленький изящный нож для разрезания бумаг, которым неизменно пользовался, вскрыл несколько конвертов, лежавших подле его тарелки.

- Счет. Еще один. Кажется, к старости я становлюсь мотом. А! Послание от Джеппа.

- Да? – Я наострил уши.

Инспектор Джепп из Скотленд-Ярда уже не раз подкидывал нам интересные дела.

- Всего лишь благодарность (в его обычной манере) за то, что я немного помог ему в деле Эберистуайта – указал верное направление расследования. Рад, что мог быть полезен ему.

Пуаро неторопливо продолжал просматривать корреспонденцию.

– Предлагают прочесть лекцию местным бойскаутам[8 - Организация детей и юношества (с 8 до 20 лет), возникшая в Англии в 1908 году и проповедующая христианские моральные ценности, здоровый образ жизни, патриотизм, физическое развитие.]. Графиня Форфэнок будет весьма признательна, если я навещу ее, предварительно позвонив по телефону. Наверняка опять болонка пропала! Так, а вот и последнее. Ого!..

Я вскинул глаза, сразу уловив перемену в его голосе. Пуаро внимательно вчитывался в письмо. Минуту спустя он протянул листок мне.

– Что-то не совсем обычное, mon ami. Прочтите сами.

Письмо было написано на бумаге иностранного образца отчетливым, характерным почерком:

Вилла «Женевьева»,

Мерлинвиль-сюр-Мер,

Франция

Дорогой сэръ, крайне нуждаясь в помощи детектива, я по причинам, которые объясню вам позже, не желаю прибегать к услугам полиции. Будучи много наслышан о ваших недюжинных способностях и крайней осмотрительности, уверен, что могу положиться на вашу сдержанность. Не решаясь доверить все обстоятельства моего дела бумаге, могу сообщить лишь, что некие секретные сведения, которыми я располагаю, заставляют меня ежечасно опасаться за свою жизнь. Убежден, что неминуемая беда нависла надо мною, и потому умоляю вас не медлить. В Кале вас будет ждать автомобиль, прошу только телеграфировать время прибытия. Буду чрезвычайно обязан, если вы сможете оставить дела, которыми сейчас занимаетесь, и целиком посвятить себя моим интересам. Готов выплатить вам необходимую компенсацию. Вероятно, я буду нуждаться в вашей помощи довольно длительное время, ибо может случиться, что вам придется поехать в Сантьяго, где я в свое время провел несколько лет. Предоставляю вам

самому назвать сумму вознаграждения, с которой я заранее согласен.

Еще раз заверяю вас, что дело не терпит отлагательств.

С совершенным почтением

П.Т. Рено.

Внизу, под подписью, видно наспех, нацарапали приписку, которую с трудом можно было разобрать: «Ради всего святого, приезжайте!»

Я вернул письмо Пуаро, чувствуя, как сердце забилося у меня в груди.

– Ну, наконец-то! – воскликнул я. – Безусловно, это что-то из ряда вон выходящее.

– Возможно, – сказал Пуаро в раздумье.

– Вы, конечно, поедете, – продолжал я.

Пуаро кивнул. Он сидел, целиком уйдя в свои мысли, потом, видно приняв решение, бросил взгляд на часы. Лицо его было чрезвычайно серьезно.

– Итак, мой друг, не будем терять времени. Впрочем, экспресс «Континенталь» отправляется от вокзала Виктория[9 - Вокзал Виктория – крупный лондонский вокзал, откуда отправляются поезда к портам на южном побережье Англии.] в одиннадцать часов, так что можно не волноваться. Минут десять мы еще можем поговорить. Вы ведь поедете со мной, n'est-ce pas?[10 - Не так ли? (фр.)]

– Да, но...

– Вы же говорили, что в ближайшие полмесяца не понадобится вашему шефу.

– Да, верно. Но этот мосье Рено ясно дал понять, что его дело чрезвычайно конфиденциально.

– Не тревожьтесь. С мосье Рено я все улажу. Кстати, это имя мне как будто знакомо.

– Есть, например, известный южноамериканский миллионер Рено. Может быть, это он и есть?

– Без сомнения. Тогда понятно, почему он упоминает Сантьяго. Сантьяго – в Чили, а Чили – в Южной Америке! О! Вот мы все и выяснили! А вы обратили внимание на постскриптум? Вам он не показался странным?

Я задумался.

– Видимо, когда мосье Рено писал письмо, он еще владел собою, а последние четыре слова черкнул в порыве отчаяния.

В ответ Пуаро решительно покачал головой.

– Ошибаетесь, мой друг. Разве вы не видите, что письмо написано яркими, черными чернилами, а постскриптум – совсем бледными?

– Ну и что же? – спросил я озадаченно.

– Mon Dieu[11 - Бог мой! (фр.)], mon ami, напрягите же свои серые клеточки! Разве не понятно? Мосье Рено написал письмо. Не промокнув чернила, он внимательно перечитал его. Потом, отнюдь не в порыве отчаяния, а совершенно обдуманно он приписал эти последние слова и только тут промокнул письмо.

– Зачем?

– Parbleu! Да чтобы они произвели на меня такое же сильное впечатление, как на вас.

– Вот как?

– Mais oui[12 - Ну конечно же (фр.)]. Он хочет заручиться моим согласием. Он перечел письмо и остался недоволен. Решил, что получилось недостаточно убедительно.

Пуаро помолчал, потом вкрадчиво заговорил, и глаза его сверкнули зеленым огнем, который неизменно указывал, что мой друг охвачен азартом:

– Итак, mon ami, именно потому, что постскриптум сделан не в порыве отчаяния, а спокойно и хладнокровно, мосье Рено крайне необходимо мое присутствие и мы должны отправиться в путь немедленно.

– Мерлинвиль, – пробормотал я задумчиво. – Сдается мне, я что-то слышал о нем.

Пуаро кивнул.

– Да, это небольшой, но модный курорт где-то между Булонью[13 - Булонь - город и порт на западе Франции у пролива Па-де-Кале.] и Кале. Вероятно, у мосье Рено есть дом в Англии?

– Да, помнится, в Ратленд-Гейте. И большое поместье где-то в Хартфордшире[14 - Хартфордшир - графство в Англии недалеко от Лондона.]. Но вообще-то я мало что знаю о нем, он ведь не общественный деятель. Думаю, что он ворочает в Сити[15 - Сити - самоуправляющийся административный район в восточной части Лондона, один из крупнейших финансовых и коммерческих центров мира.] крупными делами, связанными с Южной Америкой, и что бывает в Чили и Аргентине.

– Ну да ладно, все это мы сможем узнать у него самого. Что ж, давайте собираться в дорогу – упакуем самое необходимое и закажем такси до вокзала Виктория.

В одиннадцать часов мы уже отбыли в Дувр. Перед отходом поезда Пуаро отправил мосье Рено телеграмму, в которой уведомлял о времени нашего прибытия в Кале.

На пароходе я счел за лучшее не нарушать уединение моего друга. Погода стояла великолепная, и море было спокойное, точно пресловутая тихая заводь, поэтому, когда мы сходили с парохода в Кале, я ничуть не удивился, увидев улыбку на лице Пуаро. Однако тут нас ждало разочарование – нас не встречали, и обещанного автомобиля не было, правда, Пуаро предположил, что телеграмму просто еще не успели получить.

– Ничего, найдем автомобиль, – бодро заявил он.

Не прошло и нескольких минут, как мы уже тряслись в самой старой и дребезжащей колымаге, какую только можно себе вообразить, по направлению к Мерлинвиллю.

Я чувствовал необычайный подъем, между тем как Пуаро поглядывал на меня довольно сурово.

– Ваша веселость не к добру, Гастингс. «Фей»[16 - Предвещающий несчастье (шотл.)], как говорят шотландцы.

– Какая чепуха! Вы, стало быть, не разделяете мои чувства?

– Нисколько. Напротив, я испытываю страх.

– Страх?

– Да. У меня дурные предчувствия. Боюсь, *je ne sais quoi*[17 - Сам не знаю чего (фр.)].

Пуаро так мрачно изрек это, что я невольно поддался его настроению.

– У меня такое ощущение, – медленно проговорил он, – что нам предстоит серьезное дело, запутанное и опасное. Во всяком случае, разобраться будет нелегко.

Я хотел было порасспросить его, но тут мы как раз въехали в Мерлинвиль, который и впрямь оказался небольшим курортным городишком, и притормозили, чтобы разузнать дорогу к вилле «Женевьева».

– Все время прямо, мосье, через весь город. Вилла «Женевьева» примерно в полумиле от него. Вы ее сразу увидите. Большая вилла, смотрит на море.

Поблагодарив прохожего, мы пустились в путь, и вот город уже позади. У развилки нам снова пришлось остановиться. По дороге плелся крестьянин, и мы

стали ждать, пока он приблизится, чтобы узнать, куда нам свернуть. У самой дороги, правда, стояла небольшая вилла, но она была столь ветха и неказиста, что ее никак нельзя было принять за виллу «Женевьева». Пока мы ждали, калитка маленькой виллы отворилась, и на дорогу вышла девушка.

Тем временем крестьянин поравнялся с нами, и шофер высунулся в окошко, чтобы расспросить его.

– Вилла «Женевьева»? Направо, мосье, тут рукой подать. Да вы сразу увидите ее за поворотом.

Шофер поблагодарил его, и мы двинулись дальше. А я не мог глаз оторвать от девушки. Она стояла, держась рукой за калитку, и смотрела нам вслед. Девушка была так хороша, что ее всякий бы заметил, не говоря уж обо мне, искреннем поклоннике женской красоты. Очень высокая, сложена, как юная богиня, непокрытая золотистая головка сверкает в солнечных лучах – готов поклясться, это было самое прелестное создание, какое мне доводилось видеть в своей жизни. Я чуть не свернул шею, оглядываясь на нее, пока наша колымага тряслась по ухабистой дороге.

– Боже мой, Пуаро! – вскричал я. – Вы видели эту юную богиню?

Пуаро поднял брови.

– ?а commence![18 - Ну начинается! (фр.)] – пробормотал он. – Вы уже успели высмотреть богиню!

– Но, черт возьми, разве она не богиня?

– Не знаю, не заметил.

– Но вы же ее видели!

– Mon ami, редко случается, когда два разных человека видят одно и то же. Вы, например, увидели богиню, а я... – Он помедлил.

– Что?

– А я увидел девушку с тревожным взглядом, – мрачно закончил Пуаро.

Тут как раз мы подъехали к высоким зеленым воротам и оба издали возглас удивления: полицейский весьма внушительного вида поднял руку, преградив нам путь:

– Сюда нельзя, мосье.

– Нам необходимо видеть мосье Рено! – вскричал я. – Он ждет нас. Это ведь его вилла, да?

– Да, но...

Пуаро подался вперед.

– Но что?

– Мосье Рено убит сегодня утром.

Глава 3

Вилла «Женевьева»

Я и глазом не успел моргнуть, как Пуаро уже выскочил из автомобиля. Глаза его возбужденно сверкали.

– Что? Вы говорите, убит? Когда? Каким образом?

Полицейский важно выпрямился.

– На вопросы отвечать не положено, мосье.

– Понятно. – Пуаро на минуту задумался. – Комиссар полиции, я полагаю, здесь?

– Да, мосье.

Пуаро, достав свою визитную карточку, набросал на ней несколько слов.

– Voil?![19 - Вот! (фр.)] Пожалуйста, немедленно передайте это комиссару.

Полицейский взял карточку и, обернувшись назад, свистнул. Тут же подошел еще один полицейский, которому и была вручена записка. Через несколько минут плотный коротышка с огромными усами торопливо вышел из ворот. Полицейский, взяв под козырек, отошел в сторону.

– Мой дорогой мосье Пуаро! – вскричал незнакомец. – Счастлив видеть вас. Вы как нельзя более кстати.

Пуаро просиял.

– Мосье Бекс! Как я рад! Это мой друг капитан Гастингс, англичанин, – представил он меня. – А это мосье Люсьен Бекс.

Мы церемонно раскланялись, и мосье Бекс снова обратился к Пуаро:

– Mon vieux[20 - Старина (фр.)], ведь мы виделись в последний раз в девятьсот девятом, в Остенде[21 - Остенде – морской курорт на северо-западе Бельгии.]. Вам что-нибудь известно о мосье Рено?

– Думаю, не смогу сообщить вам ничего полезного. Вы знаете, что меня сюда вызвали?

– Нет. Кто вас вызвал?

– Мосье Рено. Видимо, он догадывался, что кто-то покушается на его жизнь. К несчастью, он обратился ко мне слишком поздно.

– Sacre tonnerre[22 - Черт побери! (фр.)], – воскликнул Бекс. – Значит, он знал, что его хотят убить! Это совершенно меняет дело! Однако давайте войдем в дом.

Он распахнул ворота, и мы направились к дому. Мосье Бекс продолжал:

– Надо немедленно сообщить об этом следователю мосье Отэ. Он только что закончил осмотр места преступления и приступает к опросу свидетелей.

– Когда было совершено преступление? – спросил Пуаро.

– Тело нашли сегодня утром около девяти часов. Из слов мадам Рено и медицинского заключения следует, что смерть наступила, вероятно, около двух часов ночи. Прошу вас, входите.

Мы поднялись по ступеням, ведущим к парадной двери. В холле сидел еще один полицейский. Увидев комиссара, он встал.

– Где мосье Отэ? – спросил его Бекс.

– В гостиной, мосье.

Мосье Бекс отворил левую дверь, и мы вошли. Мосье Отэ и его помощник сидели, склонившись у большого круглого стола. Когда мы вошли, они подняли головы и взглянули на нас. Комиссар представил нас и объяснил, как мы здесь оказались.

Следователь мосье Отэ был высок, сухопар, с пронзительным взглядом темных глаз и аккуратно подстриженной седой бородкой, которую имел обыкновение слегка поглаживать во время беседы. У камина стоял пожилой, немного сутулый человек, которого нам представили как доктора Дюрана.

– Поразительно, – сказал мосье Отэ, выслушав рассказ комиссара. – Письмо у вас с собой, мосье?

Пуаро протянул ему письмо, и следователь погрузился в чтение.

– Хм! Он пишет о какой-то тайне. Досадно, что он ничего не объяснил. Мы весьма обязаны вам, мосье Пуаро. Надеюсь, вы окажете нам честь и поможете расследовать это дело, если, конечно, у вас нет более неотложных дел в Лондоне.

– Я намерен остаться здесь, господин следователь. К несчастью, я прибыл слишком поздно и не смог предотвратить смерть мосье Рено, однако почитаю своим долгом найти убийцу.

В ответ следователь поклонился.

– Это делает вам честь, мосье Пуаро. Мадам Рено, без сомнения, также пожелает воспользоваться вашими услугами. С минуты на минуту должен прибыть мосье Жиро из парижской Сюртэ[23 - Сюртэ – традиционное название французской уголовной полиции.]. Уверен, вы окажетесь полезны друг другу в этом расследовании. А пока, надеюсь, вы не откажетесь присутствовать при допросе свидетелей. Само собой, если вам потребуется какая-либо помощь, вы ее немедленно получите.

– Благодарю, мосье. Вы ведь понимаете, что я пока в полном неведении. Мне абсолютно ничего не известно.

Мосье Отэ подал знак комиссару, и тот начал рассказ:

– Сегодня утром Франсуаза, старая служанка, спустившись в холл, чтобы заняться своей обычной работой, увидела, что парадная дверь приоткрыта. Она всполошилась – может, в доме побывали воры? – и бросилась в столовую. Убедившись, что серебро на месте, она успокоилась, решила, что хозяин, наверное, встал пораньше и вышел прогуляться.

– Прошу прощения, мосье, у него была такая привычка?

– Нет, но старуха Франсуаза, да и многие другие тоже, считает, что англичане все ненормальные и от них можно ожидать чего угодно. Горничная Леони, молодая девушка, войдя, как всегда, к своей госпоже, чтобы разбудить ее, в ужасе обнаружила, что мадам Рено связана и во рту у нее кляп. Почти в ту же минуту пришли с сообщением, что найдено уже остывшее тело мосье Рено, убитого ударом ножа в спину.

– Где?

- Где! Вот тут мы и сталкиваемся с самым загадочным обстоятельством этого дела. Мосье Рено лежал ничком возле вырытой могилы.

- Что?

- Да, возле свежерытой могилы, в нескольких ярдах от живой изгороди, окружающей виллу.

- И он был мертв... Когда же наступила смерть?

На этот вопрос ответил доктор Дюран:

- Я осмотрел тело сегодня утром, в десять часов. Смерть наступила, должно быть, не менее чем семь, а то и десять часов назад.

- Гм! Значит, между полуночью и тремя часами ночи.

- Совершенно верно. Судя по словам мадам Рено, это случилось после двух часов ночи, что еще более суживает временной интервал. Смерть, должно быть, была мгновенной. Версия самоубийства, естественно, отпадает.

Пуаро кивнул, и комиссар снова заговорил:

- Насмерть перепуганные служанки развязали мадам Рено. Она была ужасно слаба, почти без сознания от боли, которую причинили ей веревки. Как выяснилось, двое незнакомцев в масках ворвались в спальню, засунули ей в рот кляп и связали, а мосье Рено силой куда-то увели. Все это нам с ее слов передали слуги. Узнав о смерти мужа, мадам Рено испытала сильнейшее нервное потрясение. Доктор Дюран, прибыв на место происшествия, сразу дал ей успокоительное, и мы были лишены возможности допросить ее. Будем надеяться, что сон подкрепит ее, она придет в себя и сможет вынести такое тяжкое испытание, как допрос.

Комиссар помолчал.

- Кто еще живет в доме?

– Старуха Франсуаза, экономка, она служила здесь еще у прежних владельцев виллы «Женевьева». Затем две молодые девушки – сестры Дениз и Леони Улар. Родители их, весьма почтенные люди, живут в Мерлинвиле, у них там дом. Кроме того, есть еще шофер, которого мосье Рено привез из Англии, но он сейчас в отпуске. Ну, и, наконец, сама мадам Рено и ее сын, мосье Жак Рено. Он в отъезде.

Пуаро наклонил голову. Мосье Отэ громко позвал:

– Маршо!

Появился полицейский.

– Позовите сюда Франсуазу.

Полицейский взял под козырек и удалился, но тут же вернулся в сопровождении испуганной Франсуазы.

– Ваше имя Франсуаза Аррише?

– Да, мосье.

– Давно ли вы служите на вилле «Женевьева»?

– Одиннадцать лет, сначала у мадам виконтессы[24 - Виконт – дворянский титул в некоторых странах Западной Европы, в частности во Франции, средний между бароном и графом.], а потом, когда она этой весной продала виллу, я согласилась остаться здесь и служу теперь господину английскому милорду. Кто бы мог подумать...

Следователь перебил ее:

– Конечно, конечно. А теперь, Франсуаза, скажите мне, кто обычно запирает на ночь парадную дверь?

– Я, мосье. Всегда сама проверяю.

- И вчера вечером тоже?

- Да, я заперла ее, как обычно.

- Вы уверены?

- Клянусь всеми святыми, мосье.

- В котором часу это было?

- Как всегда, мосье, в половине одиннадцатого.

- А где были все остальные в это время? Они что, уже легли спать?

- Мадам уже ушла к себе, Дениз и Леони поднялись наверх со мною вместе, а мосье все еще сидел у себя в кабинете.

- Значит, если кто-нибудь и мог отпереть дверь, так только сам мосье Рено?

Франсуаза пожала своими широкими плечами.

- Да разве стал бы он отпирать ее? Ведь, того и гляди, влезут воры или убийцы! Хорошенькое дело! Мосье не сумасшедший, чтобы отпирать дверь. Вот разве что когда он провожал даму...

- Даму? Какую даму? - нетерпеливо перебил ее следователь.

- Ну как какую? Даму, которая к нему приходила.

- Значит, у него вчера была дама?

- Ну да, мосье, и не только вчера, она часто приходила.

- Кто она? Вы ее знаете?

Франсуаза бросила на него хитрый взгляд.

- Откуда мне знать? - буркнула она. - Ведь не я ее вчера впускала.

- Ах так! - рявкнул следователь и стукнул кулаком по столу. - Шутить с полицией вздумали, да? Сию минуту назовите мне имя женщины, которая приходила к мосье Рено по вечерам!

- Полиция... полиция, - проворчала Франсуаза. - Вот уж не думала, что придется иметь дело с полицией. Да ладно, знаю я, кто она. Это мадам Добрэй.

Комиссар ахнул от неожиданности и даже подался вперед, всем своим видом выражая крайнее изумление.

- Мадам Добрэй? Вилла «Маргерит», что тут рядом?

- А я что говорю. Очень даже приятная дамочка.

Старуха презрительно вскинула голову.

- Мадам Добрэй, - бормотал комиссар. - Просто невысказано!

- Voil?, - проворчала Франсуаза. - Вот и говори вам после этого правду.

- Да нет, что вы, - поспешил ее успокоить следователь. - Нас просто удивило ваше сообщение, вот и все. Мадам Добрэй и мосье Рено, они что же, э-э?... - Тут он деликатно замялся. - А? Наверное, так и было?

- Откуда мне знать? Впрочем, что ж тут удивительного? Мосье ведь был *milord anglais - tr?s riche*[25 - Английский милорд - очень богатый (фр.)], а мадам Добрэй, она еле концы с концами сводила, но *tr?s chie*[26 - Очень шикарная (фр.)], хотя они с дочерью живут очень скромно. Но меня не проведешь, это женщина с прошлым! Теперь она, правда, уже в годах, но, *ma foi*[27 - Ей-ей (фр.)], еще хоть куда! Сама не раз видела, как мужчины на нее заглядываются. А в последнее время она - все в городе это заметили - в расходах не стесняется, видно, денежки-то завелись. А ведь было время, каждую копейку считали.

Франсуаза тряхнула головой с видом совершенной уверенности в своей правоте.

Мосье Отэ в задумчивости поглаживал бородку.

– А мадам Рено, – заговорил он наконец, – как она относилась к этой... дружбе?

Франсуаза пожала плечами.

– Она ведь всегда уж такая вежливая, такая обходительная... Говорят, она ничего и не подозревает. И все-таки сердце-то, оно ведь все чувствует, как вы думаете, мосье? День ото дня мадам все худеет да бледнеет у меня на глазах. Теперь уж она совсем не та, что месяц назад, когда они приехали сюда. Мосье тоже очень изменился. Точно его что-то мучило. И нервный стал – вот-вот сорвется. А чему тут удивляться – такие странные отношения... Ни выдержки, ни благоразумия. Одно слово – style anglais![28 - Английские манеры! (фр.)]

Я от возмущения аж подпрыгнул на стуле, но следователь как ни в чем не бывало продолжал допрос, не удостоив внимания выпад Франсуазы.

– Так вы говорите, мосье Рено сам проводил мадам Добрэй? Значит, она ушла?

– Да, мосье. Я слышала, как они вышли из кабинета и подошли к парадной двери. Мосье пожелал ей доброй ночи и запер дверь.

– В котором часу это было?

– Минут двадцать пять одиннадцатого, мосье.

– А когда мосье Рено пошел спать, вы не знаете?

– Минут через десять после нас. Эта лестница такая скрипучая, всегда слышно, когда кто-нибудь поднимается или спускается.

– Что же было потом? Ночью вы ничего не слышали?

– Совсем ничего, мосье.

- Кто из прислуги раньше всех спустился вниз утром?

- Я, мосье. И сразу увидела распахнутую дверь.

- А окна, они все были закрыты?

- Да, мосье. Все было в порядке, ничего подозрительного.

- Хорошо, Франсуаза, можете идти.

Старуха зашаркала к дверям. На пороге она обернулась.

- Скажу вам одну вещь, мосье. Эта мадам Добрэй скверная женщина! Да-да, мы, женщины, лучше знаем друг друга. Это недостойная особа, попомните мои слова.

Покачивая головой с важным видом, Франсуаза удалилась.

- Леони Улар, - вызвал следователь.

Леони появилась на пороге, заливаясь слезами, чуть ли не в истерике. Но мосье Отэ оказался на высоте и весьма ловко справился с рыдающей девицей. Она только и твердила о том, как увидела связанную мадам с кляпом во рту, но зато уж живописала эту сцену с истинным драматизмом. Ночью же она, как и Франсуаза, ничего не слышала.

Потом пришла очередь ее сестры Дениз, которая подтвердила, что хозяин, мосье Рено, разительно изменился в последнее время.

- С каждым днем он становился все угрюмее, потерял аппетит. Всегда был в дурном настроении.

У Дениз была своя версия преступления:

- Тут и думать нечего, с ним расправилась мафия! Эти двое в масках, кто они, как вы думаете? Ужас что творится в мире!

– Возможно, вы и правы, – невозмутимо заметил следователь. – А теперь скажите мне, милочка, это вы вчера открывали дверь мадам Добрэй?

– Не вчера, мосье, а позавчера.

– А как же Франсуаза сказала, что мадам Добрэй была здесь вчера?

– Нет, мосье. Действительно, вчера мосье Рено посетила дама, но это была вовсе не мадам Добрэй.

Удивленный следователь выпрашивал и так и этак, но Дениз твердо стояла на своем. Она прекрасно знает мадам Добрэй. Та дама, что приходила вчера, правда, тоже брюнетка, но ниже ростом и гораздо моложе. Переубедить девушку было невозможно.

– Вам раньше приходилось видеть эту даму?

– Нет, мосье, – сказала она и добавила неуверенно: – И еще, мне кажется, она англичанка.

– Англичанка?

– Да, мосье. Она спросила мосье Рено на очень хорошем французском, но акцент... пусть самый легкий, всегда выдает иностранцев. К тому же, когда они выходили из кабинета, они говорили по-английски.

– И вы слышали, о чем они говорили? Я хочу сказать, вы поняли что-нибудь?

– О, я хорошо говорю по-английски, – с гордостью ответила Дениз. – Правда, эта дама говорила слишком быстро, и я не ухватила смысла, но последние слова мосье Рено, которые он сказал, открывая дверь, я поняла.

Девушка помолчала, потом старательно, с трудом выговаривая слова, произнесла по-английски:

– Да-а... да-а... но, рати боога, идите сейчас!

– Да, да, но, ради бога, сейчас уходите! – повторил следователь.

Он отпустил Дениз и, поразмыслив немного, снова вызвал Франсуазу. Он спросил ее, не могла ли она ошибиться, точно ли мадам Добрэй приходила вчера. И тут Франсуаза выказала удивительное упрямство. Вот именно что мадам Добрэй была здесь вчера. И сомневаться тут нечего, конечно, это была она. А Дениз просто-напросто выставляется тут перед вами, *voilà tout!*[29 - Вот так! (фр.)] И про иностранную даму она все сама сочинила. Хочет показать, что тоже не лыком шита – английский знает! Наверное, мосье и вообще ничего не говорил по-английски, а если и говорил, это ничего не доказывает, ведь мадам Добрэй отлично болтает по-английски, а с мосье и мадам Рено она только по-английски и разговаривает.

– А мосье Жак, сын мосье Рено, – он здесь часто бывает – так он вообще еле-еле говорит по-французски.

Следователь не стал спорить с Франсуазой, он только поинтересовался шофером и узнал, что как раз вчера мосье Рено отпустил Мастера. Вероятно, ему не понадобится автомобиль, сказал мосье, и шофер может взять отпуск.

Тут я заметил, что Пуаро недоуменно нахмурился – лоб его над переносицей прорезала глубокая морщина.

– В чем дело? – прошептал я.

Он нетерпеливо тряхнул головой.

– Прошу прощения, мосье Бекс, надо полагать, мосье Рено и сам умел водить автомобиль?

Комиссар вопросительно посмотрел на Франсуазу, и она тотчас без колебаний ответила:

– Нет, сам мосье не водил автомобиль.

Пуаро еще больше нахмурился.

– Объясните же мне, что вас так тревожит, – нетерпеливо попросил я.

– Как вы не понимаете? Ведь в письме мосье Рено предлагал выслать автомобиль за мной в Кале.

– Может быть, он хотел нанять автомобиль, – предположил я.

– Возможно. Однако зачем нанимать, если у него есть собственный? И почему именно вчера он отправил шофера в отпуск, так неожиданно и поспешно? Может быть, он по какой-то причине нарочно хотел услатить его отсюда до нашего приезда?

Глава 4

Письмо, подписанное «Белла»

Франсуаза вышла из комнаты. Следователь задумчиво барабанил пальцами по столу.

– Итак, мосье Бекс, – заговорил он наконец, – у нас имеются два взаимоисключающих показания. Кому мы должны больше верить – Франсуазе или Дениз?

– Дениз, – решительно заявил комиссар. – Ведь именно она впустила незнакомку. Франсуаза стара и упряма, к тому же явно питает неприязнь к мадам Добрэй. И кроме того, ведь мы с вами знаем, что у Рено была связь с другой женщиной.

– Tiens![30 - Ах да (фр.).] – спохватился мосье Отэ. – Ведь мы совсем забыли сообщить мосье Пуаро вот об этом.

Он принялся рыться в бумагах на столе, нашел среди них письмо и протянул моему другу.

– Это письмо, мосье Пуаро, мы обнаружили в кармане плаща убитого.

Пуаро развернул письмо. Оно было написано по-английски, странным, неустоявшимся почерком, бумага местами затерлась и смялась.

«Мой бесценный!

Отчего ты так долго не пишешь мне? Ведь ты все еще любишь меня, как прежде, да? Твои письма в последнее время стали совсем другие – холодные и чужие, а потом это долгое молчание. Ты меня пугаешь. Вдруг ты разлюбил меня! Нет, это невозможно, я просто глупая девчонка, вечно придумываю бог весть что! Но если ты и правда разлюбил меня, я не знаю, что сделаю – убью себя, наверное! Не могу жить без тебя! Порой мне кажется, что у тебя другая женщина. Если так, пусть она не попадается мне на глаза... и ты тоже! Я скорее убью тебя, но не дам ей завладеть тобой! Я так решила!

Но что это, какой романтический бред я несу! Ты любишь меня, и я люблю тебя – да, люблю, люблю, люблю!

Обожающая тебя Белла».

Ни адреса, ни даты в письме не было. Пуаро с мрачным видом вернул его комиссару.

– И вы полагаете, что?..

Следователь только пожал плечами.

– Вероятно, мосье Рено попал в сети к этой англичанке, Белле. Потом он приезжает сюда, встречает мадам Добрэй и затевает с ней интрижку. Он остывает к прежней возлюбленной, и она начинает что-то подозревать. В ее письме содержатся недвусмысленные угрозы. На первый взгляд дело кажется даже слишком простым. Ревность! Ведь мосье Рено убит ударом в спину, а это явно свидетельствует о том, что преступление совершила женщина, так ведь, мосье Пуаро?

Пуаро кивнул.

– Удар в спину – да... но вот могила! Это же такая тяжелая работа. Женщине просто не под силу, мосье. Тут поработал мужчина.

– Да, да, вы совершенно правы. Как мы не подумали об этом! – пылко согласился комиссар.

– Вот я и говорю, – продолжал мосье Отэ, – на первый взгляд дело совсем простое, но... эти двое в масках, письмо, которое вы получили от мосье Рено, – все это никак не укладывается в единую схему. Тут мы имеем дело с рядом обстоятельств, не имеющих никакой связи с известными нам фактами. Ну а письмо, посланное вам, мосье Пуаро... Допускаете вы, что оно как-то соотносится с этой самой Беллой и ее угрозами?

Пуаро покачал головой.

– Едва ли. Такой человек, как мосье Рено, который вел жизнь, полную приключений и опасностей, да не где-нибудь, а в Южной Америке, неужели он стал бы просить защитить его от женщины?

Следователь с готовностью закивал головой.

– Совершенно с вами согласен. Стало быть, объяснение этому письму нам следует искать...

– В Сантьяго, – закончил фразу комиссар. – Я немедленно телеграфирую в полицию Сантьяго и запрошу все данные, так или иначе касающиеся мосье Рено: его любовные связи, деловые операции, друзья, враги, словом, все до мелочей. Думаю, это даст нам ключ к загадочному убийству.

И комиссар оглядел нас, ища одобрения и поддержки.

– Великолепно! – с чувством воскликнул Пуаро. – Скажите, а нет ли других писем от этой самой Беллы среди вещей мосье Рено?

– Нет. Разумеется, первое, что мы сделали, – просмотрели документы в его кабинете, но ничего интересного не нашли. Видимо, он самым тщательным образом привел все в порядок. Единственное, что наводит на размышление, так

это его странное завещание. Вот оно.

Пуаро пробежал документ глазами.

– Так. Тысячу фунтов наследует некий мистер Стомор. Кто он, кстати?

– Это секретарь мосье Рено. Он живет в Англии, но раза два приезжал сюда.

– Все остальное без всяких оговорок наследует его любимая жена Элоиза. Составлено довольно небрежно, но оформлено по всем правилам. Засвидетельствовано двумя служанками – Дениз и Франсуазой. Так всегда делают.

Пуаро отдал завещание мосье Отэ.

– Может быть, – начал Бекс, – вы не обратили внимания...

– На дату? – спросил Пуаро, и глаза его озорно сверкнули. – Ну конечно же, обратил. Две недели назад. Возможно, именно тогда он впервые почувствовал, какая опасность ему грозит. Довольно часто состоятельные люди умирают, не оставив завещания, ибо не думают о том, что смерть может подстергать их на каждом шагу. Однако делать преждевременные выводы – весьма опасно. Во всяком случае, из завещания мосье Рено следует, что он питал искреннюю любовь и расположение к своей жене. Несмотря на любовные интрижки.

– Так-то оно так, – произнес мосье Отэ с сомнением в голосе, – но с сыном мосье Рено, похоже, обошелся несправедливо, ведь он поставил его в полную зависимость от матери. Если она снова выйдет замуж и ее муж будет иметь власть над нею, парень может не получить ни гроша из отцовских денег.

– Людям вообще свойствен эгоцентризм. Мосье Рено, вероятно, вообразил, что его вдова уже никогда больше не выйдет замуж. Ну а что касается сына, возможно, это весьма разумная предосторожность – оставить деньги в руках матери. Сынки богачей – известные повесы.

– Может быть, вы и правы. А теперь, мосье Пуаро, вы, конечно, хотели бы осмотреть место преступления. К сожалению, тело убрали, но, разумеется, были

сделаны фотографии в разных ракурсах. Вам их принесут, как только они будут готовы.

– Благодарю, мосье, вы очень любезны.

Комиссар поднялся из-за стола:

– Прошу вас следовать за мной, господа. – Он отворил дверь и отвесил церемонный поклон Пуаро, пропуская его вперед.

Пуаро со свойственной ему галантностью отступил назад и поклонился комиссару.

– Прошу вас, мосье.

– Только после вас, мосье.

Наконец им обоим все-таки удалось протолкнуться в холл.

– А там, очевидно, его кабинет, hein?[31 - Не так ли? (фр.)] – спросил вдруг Пуаро, кивнув на одну из дверей.

– Да. Хотите осмотреть?

Комиссар отворил дверь. Мы вошли.

Комната, которую мосье Рено выбрал для себя, хоть и небольшая, была меблирована с большим вкусом и очень уютна. У окна письменный стол с многочисленными ящичками и отделениями для бумаг, камин, перед ним глубокие кожаные кресла и круглый стол с книгами и свежими журналами.

Пуаро помедлил минуту, рассматривая комнату, потом подошел к креслам, провел рукой по спинкам, взял журнал со стола, осторожно провел пальцем по полке дубового буфета. Лицо его выразило совершенное удовлетворение.

– Что, пыли нет? – спросил я лукаво.

Он улыбнулся мне в ответ, оценив мое знание его маленьких слабостей.

- Ни пылинки, mon ami! А жаль, на этот раз - жаль!

Его острый ястребиный взгляд мигом облетел комнату.

- А! - произнес он вдруг со вздохом облегчения. - Коврик перед камином завернулся! - С этими словами Пуаро нагнулся, чтобы расправить его.

Внезапно у него вырвалось удивленное восклицание, и он быстро выпрямился. В руке у него был маленький обрывок розовой бумаги.

- Что во Франции, что в Англии, - сказал он, - везде одно и то же - прислуга ленится выметать из-под ковров.

Бекс взял у него из рук бумажку, а я подошел поближе, чтобы рассмотреть ее.

- Догадываетесь, Гастингс, что это, а?

Я озадаченно помотал головой, но характерный розовый цвет бумаги что-то мне напоминал.

Оказалось, комиссар соображает быстрее меня.

- Обрывок чека! - вскричал он.

На клочке размером около двух квадратных дюймов чернилами было написано «Дьювин».

- Bien![32 - Так! (фр.)] - сказал Бекс. - Этот чек был выписан на имя некоего Дьювина или же подписан им.

- Скорее первое, мне кажется, - сказал Пуаро. - Ибо, если я не ошибаюсь, это почерк мосье Рено.

Догадка Пуаро подтвердилась, когда мы сравнили его с завещанием, лежащим на столе.

– Боже мой, – удрученно пробормотал комиссар, – не могу понять, как я проглядел этот чек!

Пуаро засмеялся.

– Отсюда мораль – всегда заглядывай под коврики! Мой друг Гастингс может подтвердить: малейший беспорядок в чем бы то ни было – для меня сушая пытка. Когда я увидел загнутый край коврика, я сказал себе: «Tiens! [33 - Смотри-ка (фр.).] Сбился, когда отодвинули кресло». А что, если наша добрая Франсуаза недоглядела, подумал я, и там что-нибудь да найдется.

– Франсуаза?

– Ну или Дениз, Леони, все равно, тот, кто убирал комнату. Судя по тому, что пыли нет, убрали явно сегодня. Эти наблюдения позволяют представить себе, что здесь произошло. Вчера – вероятно, вечером – мосье Рено выписывает чек на имя некоего Дьювина. Потом чек рвут и клочки бросают на пол, а сегодня утром...

Не успел Пуаро договорить, а мосье Бекс уже нетерпеливо дергал шнур звонка.

Тут же явилась Франсуаза: да, на полу валялись бумаги. Куда она их дела? Конечно же, бросила в печь на кухне. Куда ж еще?

Выразив жестом крайнюю степень отчаяния, Бекс отпустил ее. Внезапно лицо его просветлело, он бросился к столу. И вот он уже листает чековую книжку покойного. И снова жест отчаяния – корешок последнего чека не заполнен.

– Мужайтесь! – воскликнул Пуаро, похлопывая его по спине. – Мадам Рено наверняка сможет пролить свет на этого таинственного Дьювина.

Комиссар немного приободрился.

– Да, правда. Ну что ж, продолжим.

Когда мы выходили из кабинета, Пуаро спросил как бы между прочим:

– А что, мосье Рено вчера вечером принимал свою гостью здесь, а?

– Да, именно здесь, а как вы узнали?

– А вот как – с помощью этого пустяка. Я нашел его на спинке кресла. – Двумя пальцами Пуаро держал длинный черный волос – женский волос!

Мосье Бекс вывел нас через заднюю дверь к небольшому сараю, примыкающему к дому, достал из кармана ключ и отпер его.

– Тело здесь. Как раз перед вашим приездом мы перенесли его сюда; фотограф ведь уже все отснял.

Он распахнул дверь, и мы вошли. Убитый лежал на полу. Мосье Бекс проворно сдернул с трупа простыню. Мосье Рено был среднего роста, худощавый и стройный. Выглядел он лет на пятьдесят, волосы черные, с сильной проседью, лицо тщательно выбрито, нос длинный, тонкий, довольно близко посаженные глаза; кожа сильно загорелая, как у человека, который большую часть жизни провел под тропическим солнцем, зубы оскалены, и на мертвом лице застыло выражение крайнего изумления и ужаса.

– По его лицу сразу видно, что удар был нанесен неожиданно, – заметил Пуаро.

Он с величайшей осторожностью перевернул тело. На светлом песочного цвета плаще как раз между лопатками расплылось круглое темное пятно с продолговатым разрезом посередине. Пуаро принялся внимательно разглядывать тело.

– Что вы думаете по поводу орудия убийства?

– А что тут думать, нож просто-напросто торчал в ране.

Комиссар снял с полки стеклянную банку. Внутри я увидел небольшой нож с черной ручкой и узким блестящим лезвием вроде тех, которыми разрезают

бумагу. В длину нож был не более десяти дюймов. Пуаро осторожно потрогал испачканное кровью острие.

– Ого! Да он преострый! Подумать только, такой маленький, хорошенький ножичек – и орудие убийства!

– К сожалению, мы не нашли на нем отпечатков пальцев, – сокрушенно сообщил мосье Бекс. – Очевидно, убийца был в перчатках.

– Ну разумеется, – небрежно заметил Пуаро. – Теперь даже в Сантьяго преступники осведомлены о таких мерах предосторожности. Что уж говорить о европейцах – тут любой непрофессионал знает не меньше нас с вами. А все эти газетчики раззвонили по всему свету о Бертильоновой системе[34 - Бертильон А. (1853–1914) – французский криминалист, разработавший систему приемов судебной идентификации личности, включавшую словесный портрет, описание особых примет и др. и применявшуюся полицией во всех странах до начала XX века.]. Однако все равно я удивлен, что на ноже нет отпечатков. Ведь так заманчиво оставить чьи-то чужие отпечатки! А уж как полиция обрадуется. – Он покачал головой. – Боюсь, убийство совершил человек, для которого порядок и система – пустые слова, а быть может, он просто очень спешил. Впрочем, поглядим.

Пуаро снова повернул покойника на спину.

– Вижу, под плащом нет ничего, кроме нижнего белья, – заметил он.

– Да, следовательно тоже отметил эту странность.

В этот момент кто-то постучал в дверь, которую мы заперли за собой, когда вошли в сарай. Бекс пошел отпирать. Это оказалась Франсуаза. С жадным любопытством она пыталась заглянуть внутрь.

– Ну, что там еще? – нетерпеливо буркнул Бекс.

– Мадам послала сказать, что ей уже гораздо лучше и она может говорить с господином следователем.

– Прекрасно, – обрадовался мосье Бекс. – Уведомьте мосье Отэ и передайте мадам, что мы сейчас будем.

Пуаро все медлил, глядя на убитого. Я даже подумал было, уж не собирается ли он дать клятву, что не успокоится, пока не найдет убийцу. Но против ожидания он не сказал ничего торжественного или значительного. Весьма обыденно и просто он произнес несколько слов, которые показались мне до смешного неуместными в этот момент:

– Слишком уж длинный плащ он носил.

Глава 5

Рассказ мадам Рено

Мосье Отэ уже ожидал нас в холле, и мы все вместе, возглавляемые Франсуазой, двинулись вверх по лестнице. Пуаро поднимался как-то странно, зигзагами, чем немало меня озадачил. Заметив мое удивление, он подмигнул мне.

– Еще бы служанкам не слышать, как мосье Рено поднимался, – шепотом сказал он. – Ступеньки скрипят все до единой, от такого скрипа и мертвый проснется!

На лестничную площадку выходил также узкий боковой коридор.

– Здесь комнаты прислуги, – пояснил нам Бекс.

Нас же повели по широкому коридору. Франсуаза остановилась у последней двери справа и тихо постучала.

Слабый голос пригласил нас войти. Комната была просторная, солнечная, с окнами на море, которое синело и искрилось всего в какой-нибудь четверти мили от дома.

На кушетке высоко в подушках лежала рослая женщина весьма примечательной наружности. Подле нее с озабоченным видом сидел доктор Дюран. Хотя мадам Рено была далеко не молода и ее некогда черные волосы сверкали серебром, в ней чувствовалась незаурядная личность, волевая и решительная. Словом, как говорят французы, *une maîtresse femme*[35 - Сильная женщина (фр.)].

Она поздоровалась с нами легким, исполненным достоинства кивком.

- Прошу садиться, господа.

Мы сели в кресла, помощник следователя устроился за круглым столом.

- Надеюсь, мадам, - начал мосье Отэ, - вы сможете рассказать нам, что произошло ночью, если, разумеется, это не слишком тяжело для вас.

- Нет-нет, мосье. Ведь дорога каждая минута. Эти подлые убийцы должны быть пойманы и наказаны.

- Благодарю вас, мадам. Думаю, для вас будет менее утомительно, если я буду задавать вопросы, а вы ограничитесь только ответами на них. В котором часу вы легли спать вчера?

- В половине десятого, мосье. Я была очень утомлена.

- А ваш муж?

- По-моему, час спустя.

- Не показалось ли вам, что он расстроен или, может быть, взволнован?

- Нет, не более, чем обычно.

- Что же случилось потом?

- Мы спали. Проснулась я оттого, что кто-то зажал мне рот. Я пыталась закричать, но не смогла. Их было двое, и оба - в масках.

- Вы не могли бы описать их, мадам?

- Один очень высокий, с длинной черной бородой, другой – небольшого роста, коренастый, тоже с бородой, только рыжеватой. Оба в шляпах, надвинутых на самые глаза.

- Гм! – задумчиво произнес следователь. – Что-то многовато бород получается.

- Вы думаете, они накладные?

- Боюсь, что да, мадам. Но, прошу вас, продолжайте.

- Тот, что поменьше ростом, держал меня. Сначала он засунул мне в рот кляп, потом связал руки и ноги. Другой сторожил моего мужа. Он схватил с туалетного столика нож для разрезания бумаги, острый как бритва, и приставил его к груди мосье Рено. Когда коротышка связал меня, они оба занялись моим мужем, заставили его встать и вывели в гардеробную. Я едва не потеряла сознание от ужаса, но все же отчаянно старалась хоть что-нибудь услышать.

Они говорили так тихо, что я ничего не могла разобрать. Но язык мне знаком, это ломаный испанский, распространенный в некоторых странах Южной Америки. Мне показалось, они сначала требовали что-то у моего мужа, потом, видно, разозлились и стали говорить громче. По-моему, высокий сказал: «Ты ведь знаешь, что нам нужно. Документы! Секретные документы! Где они?» Что ответил муж, я не слышала, только второй злобно прошипел: «Лжешь! Мы знаем, они у тебя. Где ключи?»

Потом я услышала, как они выдвигают ящики. Видите ли, в гардеробной мужа есть сейф, где он обычно держит наличные деньги, довольно крупные суммы. Леони говорит, что они вытряхнули все из сейфа, забрали деньги, но, видимо, того, за чем охотились, не нашли. Потом, слышу, высокий, проклиная все на свете, велит мужу одеваться. Но тут, видно, какой-то шум в доме спугнул их, и они втолкнули полуодетого мосье Рено в спальню.

- Pardon, – прервал ее Пуаро, – а другого выхода из гардеробной нет?

– Нет, мосье, там только одна дверь – в спальню. Они погнали моего мужа к двери – впереди коротышка, а последним высокий с ножом в руке. Поль пытался вырваться, подойти ко мне. В глазах его было отчаяние. «Мне надо поговорить с ней!» – крикнул он им, а мне сказал: «Ничего страшного, Элоиза. Только не пугайся. К утру я вернусь». Он старался говорить спокойно, но в его глазах был ужас, я видела. Потом они вытолкали его за дверь, и высокий сказал: «Только пикни попробуй – и тебе конец». Потом, – продолжала мадам Рено, – я, должно быть, потеряла сознание. Очнулась, только когда Леони растирала мне руки и уговаривала выпить немного бренди.

– Мадам Рено, – сказал следователь, – как вы думаете, что искали убийцы?

– Понятия не имею, мосье.

– Не замечали ли вы, что вашего мужа что-то тревожит?

– Да, я видела, что он очень переменялся в последнее время.

– Как давно?

Мадам Рено подумала.

– Наверное, дней десять.

– Не раньше?

– Возможно, и раньше. Но я ничего не замечала.

– А вы не пробовали расспрашивать его?

– Да, один раз, но он ответил как-то очень уклончиво. Тем не менее я была совершенно уверена, что он страшно о чем-то тревожится. Но он не хотел открыться, и, понимая это, я старалась делать вид, что ничего не замечаю.

– Было ли вам известно, что мосье Рено прибег к услугам детектива?

– Детектива? – воскликнула мадам Рено, видимо, очень удивленная.

– Да, вот этого джентльмена – мосье Эркюля Пуаро. – Пуаро вежливо поклонился. – Он прибыл сегодня по вызову вашего мужа.

Достав письмо, которое мосье Рено отправил Пуаро, следователь подал его мадам Рено.

Она прочла его с неподдельным изумлением.

– Я и понятия не имела. Очевидно, Поль был уверен, что ему грозит опасность.

– А теперь, мадам, я прошу вас ответить мне совершенно откровенно. Когда ваш муж жил в Южной Америке, не случилось ли с ним чего-нибудь, что могло бы пролить свет на это дело?

Мадам Рено глубоко задумалась, но потом отрицательно покачала головой.

– Не знаю, что и сказать. Конечно, у мужа было много недоброжелателей – ему многие завидовали, но ничего особенного я не могу припомнить. Возможно, что-то и было, только мне об этом ничего не известно.

Следователь разочарованно погладил свою бородку.

– Не могли бы вы сказать, в котором часу произошло нападение?

– Конечно, я отчетливо помню, как часы на камине пробили два раза.

И мадам Рено кивнула на часы с восьмидневным заводом, в дорогом кожаном футляре, стоящие посередине каминной полки.

Пуаро подошел к камину и принялся внимательно их разглядывать, потом кивнул, видимо, вполне удовлетворенный результатами осмотра.

– А вот еще одни часы, – воскликнул мосье Бекс, – наручные, их, видно, смахнули с туалетного столика. Стекло, правда, вдребезги. Преступникам невдомек, что

это может обернуться уликой против них.

Он осторожно собрал осколки.

Внезапно мосье Бекс замер.

– Mon Dieu! – невольно вырвалось у него.

– В чем дело?

– Стрелки показывают семь часов!

– Что?! – воскликнул в свою очередь следователь.

Однако Пуаро, находчивый, как всегда, взял часы из рук растерявшегося комиссара, поднес их к уху и улыбнулся.

– Ну да, стекло разбито, но часы идут.

Услышав столь простое объяснение, все облегченно вздохнули. Однако следователь не успокоился:

– Но, позвольте, ведь сейчас еще нет семи?

– Да, только пять минут шестого, – спокойно заметил Пуаро. – Вероятно, эти часы спешат, не так ли, мадам?

Мадам Рено нахмурилась, не зная, что ответить.

– Да, они спешат, – сказала она. – Правда, я не думала, что так сильно.

Следователь, нетерпеливо махнув рукой, прервал обсуждение темы разбитых часов и продолжил допрос:

– Мадам, парадная дверь была приоткрыта. Наверняка убийцы проникли в дом через нее, и, однако, – никаких следов взлома. Вы могли бы объяснить почему?

– Вероятно, муж выходил вечером погулять и, возвратившись, забыл запереть дверь.

– По-вашему, это возможно?

– Вполне. Он был очень рассеян.

Говоря это, мадам Рено слегка сдвинула брови, похоже, рассеянность покойного порой раздражала ее.

– Думаю, у нас есть основания сделать одно немаловажное заключение, – вмешался вдруг комиссар. – Убийцы предложили мосье Рено одеться, стало быть, место, где, как они предполагали, запрятаны интересующие их бумаги, должно находиться далеко отсюда.

Следователь кивнул в знак согласия.

– Несомненно. Однако и не слишком далеко, ведь мосье Рено сказал, что к утру вернется.

– Когда отходит последний поезд из Мерлинвиля? – спросил Пуаро.

– В двадцать три пятьдесят в одном направлении и в ноль семнадцать – в другом, но, скорее всего, у них был автомобиль.

– Конечно, – согласился Пуаро, который, казалось, был чем-то озабочен.

– А ведь у нас, пожалуй, есть шанс напасть на их след, – воодушевляясь, снова заговорил следователь, – вряд ли автомобиль с двумя иностранцами остался незамеченным. Это же замечательно, мосье Бекс.

Но, тут же согнав с лица довольную улыбку и вновь став серьезным, Отэ обратился к мадам Рено:

– Еще один вопрос. Вам говорит что-нибудь фамилия Дьювин?

– Дьювин? – задумчиво повторила мадам Рено. – Нет, я не знаю никого с такой фамилией.

– Может быть, ваш муж когда-нибудь ее упоминал, не помните?

– Нет, никогда.

– Нет ли у вас знакомых по имени Белла?

Следователь так и впился глазами в мадам Рено, стараясь уловить в ее лице признаки замешательства или смятения. Но мадам Рено покачала головой с совершенно невозмутимым видом. И мосье Отэ снова принялся задавать вопросы:

– Известно ли вам, что вчера вечером у вашего мужа был посетитель?

На щеках мадам Рено выступил легкий румянец, что не укрылось от глаз следователя.

– Нет, кто это был? – ответила она, сохраняя тем не менее совершенное спокойствие.

– Дама.

– В самом деле?

Однако следователь, казалось, удовольствовался тем, что услышал, и не стал продолжать расспросы. Едва ли, подумал он, мадам Добрэй имеет отношение к убийству, а расстраивать мадам Рено без веских к тому оснований ему не хотелось.

Он посмотрел на комиссара, тот согласно кивнул. Тогда мосье Отэ встал, прошел в другой конец комнаты и принес стеклянную банку, которую мы видели в сарае. Вынув оттуда нож, он обратился к мадам Рено.

– Мадам, узнаете это? – спросил он как можно мягче.

Она негромко вскрикнула:

– Конечно, это мой кинжальчик.

Увидев на нем пятна, она отшатнулась, глаза ее расширились от ужаса:

– Это что – кровь?

– Да, мадам. Вашего мужа убили этим оружием. – Он быстро убрал нож с глаз долой. – Уверены ли вы, что это тот самый нож, который лежал ночью на вашем туалетном столике?

– О да. Это подарок моего сына. Во время войны[36 - Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 годов.] он служил в авиации. Он был слишком молод, и ему пришлось прибавить себе два года, чтобы его взяли. – Чувствовалось, что мадам Рено гордится своим сыном. – Ножик сделан из авиационной стали, и сын подарил мне его в память о войне.

– Понимаю, мадам. Перейдем теперь к другому вопросу. Где сейчас ваш сын? Необходимо немедленно телеграфировать ему.

– Жак? В данное время он на пути в Буэнос-Айрес[37 - Буэнос-Айрес – столица Аргентины.].

– То есть?

– Да. Вчера муж телеграфировал ему. Сначала он отправил Жака в Париж, а вчера выяснилось, что ему необходимо немедленно ехать в Южную Америку. Из Шербура[38 - Шербур – город и порт во Франции у пролива Ла-Манш.] как раз вчера вечером отошел пароход в Буэнос-Айрес, и муж телеграфировал Жаку, чтобы он постарался успеть на него.

– Не знаете ли вы, какие дела у вашего сына в Буэнос-Айресе?

– Мне об этом ничего не известно, мосье, знаю только, что оттуда он должен ехать в Сантьяго.

– Сантьяго! Опять Сантьяго! – в один голос вскричали мосье Отэ и мосье Бекс.

Упоминание о Сантьяго поразило и меня, а Пуаро, воспользовавшись замешательством, подошел к мадам Рено. Все это время он стоял, мечтательно глядя в окно, и я даже не был уверен, следит ли он за тем, что происходит. Он молча поклонился мадам Рено, потом сказал:

– Pardon, мадам, не позволите ли взглянуть на ваши руки?

Слегка удивившись, мадам Рено выполнила его просьбу. На запястьях были видны глубокие ссадины – следы от веревок. Пока Пуаро рассматривал руки мадам Рено, я наблюдал за ним и заметил, что огонь возбуждения, горевший в его глазах, погас.

– Представляю, как вам больно, – сказал он, а я подумал, что мой друг, кажется, опять чем-то удручен.

Между тем следователь спохватился и заспешил:

– Надо немедленно связаться по радио с молодым мосье Рено. Нам крайне необходимо узнать все об этой его поездке в Сантьяго. – И, подумав, добавил: – К тому же, будь он здесь, мы могли бы избавить вас от лишних страданий, мадам.

Мосье Отэ многозначительно умолк.

– Вы имеете в виду опознание трупа? – глухо спросила мадам Рено.

Следователь молча склонил голову.

– Не тревожьтесь, мосье. У меня хватит сил вынести все, что потребуется. Я готова сделать это прямо сейчас.

– О, и завтра не поздно, уверяю вас...

– Нет, я хочу покончить с этим, – сказала она тихо, и судорога боли исказила ее лицо. – Не будете ли так любезны, доктор, позвольте опереться на вашу руку.

Доктор поспешил к ней на помощь, кто-то накинул плащ на плечи мадам Рено, и мы стали медленно спускаться по лестнице. Мосье Бекс бросился вперед и отворил дверь сарая. Мадам Рено подошла и остановилась на пороге. Она была очень бледна, но полна решимости. Прикрыв лицо рукой, она сказала:

- Минутку, мосье, я соберусь с силами.

Потом она опустила руку и взглянула на покойного.

И тут поразительное самообладание, с которым она держалась все время, оставило ее.

- Поль! - вскрикнула она. - Мой муж! О боже!

Она пошатнулась и без чувств упала на пол.

Пуаро мгновенно бросился к ней, приподнял веко, пощупал пульс. Убедившись, что мадам Рено действительно в глубоком обмороке, он отошел в сторону и, схватив меня за руку, воскликнул:

- Болван, какой же я болван, мой друг! Я просто потрясен! В голосе мадам Рено было столько любви и горя! Моя версия оказалась совершенно несостоятельной. Eh bien![39 - Ну что ж! (фр.)] Придется начать все заново!

Глава 6

Место преступления

Доктор и мосье Отэ понесли бесчувственную мадам Рено в дом. Комиссар провожал их взглядом, сокрушенно качая головой.

- Pauvre femme[40 - Бедная женщина (фр.)], этого удара она не вынесла. Да, да, ничего не поделаешь. Ну что ж, мосье Пуаро, может быть, осмотрим место, где было совершено преступление?

- Если вас не затруднит, мосье Бекс.

Мы вернулись в дом и вышли на улицу через парадную дверь. Проходя мимо лестницы, ведущей наверх, Пуаро с сомнением покачал головой.

- Не верю, что служанки ничего не слышали. Ступени скрипят так, что и мертвый проснется, к тому же, заметьте, спускались трое!

- Но ведь была глубокая ночь. Видно, все они крепко спали.

Однако Пуаро все качал головой, похоже, мое объяснение ничуть его не убедило. Дойдя до поворота аллеи, он оглянулся на дом.

- Почему мы думаем, что они вошли через дверь? Ведь они не знали, что она не заперта, и могли влезть в окно.

- Но все окна первого этажа закрыты железными ставнями, - возразил комиссар.

Пуаро показал на одно из окон второго этажа.

- Это ведь окно спальни, да? Смотрите, вот по этому дереву можно в два счета добраться до окна.

- Возможно, вы правы, - согласился комиссар. - Но тогда на клумбе должны быть следы.

Справедливость его слов была очевидна. По обеим сторонам ступеней, ведущих к парадной двери, на больших овальных клумбах алела герань. К дереву, о котором говорил Пуаро, не подойдешь, не наступив на клумбу.

- Правда, погода стоит сухая, - продолжал комиссар, - на аллее и на дорожках следов не видно, но рыхлая, влажная земля на клумбе - совсем другое дело.

Пуаро принялся внимательно разглядывать клумбу. Мосье Бекс оказался прав, земля была совершенно ровной: ни ямки, ни углубления, ни вмятины.

Пуаро кивнул, как бы удовлетворенный осмотром, и мы уже отошли было, но вдруг он устремился к другой клумбе и стал ее рассматривать.

– Мосье Бекс! – позвал он. – Поглядите, здесь полно следов!

Комиссар подошел к нему и улыбнулся.

– Мой дорогой мосье Пуаро, совершенно верно – это следы садовника, его огромных, подбитых гвоздями сапог. Впрочем, это не имеет никакого значения, ведь с этой стороны нет дерева, и, следовательно, влезть в окно второго этажа невозможно.

– Да, правда, – заметил Пуаро, явно расстроенный. – Стало быть, вы считаете, что эти следы ничего не значат?

– Ровным счетом ничего.

И тут, к моему великому изумлению, Пуаро многозначительно произнес:

– Не согласен с вами. Сдается мне, эти следы – пока самая важная улика из всего, что мы видели.

Мосье Бекс промолчал, пожав плечами. Он был слишком вежлив, чтобы откровенно выложить, что он думает по этому поводу.

– Ну что ж, продолжим? – предложил он.

– Конечно. А этими следами я могу заняться и позже, – охотно согласился Пуаро.

Мосье Бекс пошел не к воротам, куда вела подъездная аллея, а круто свернул на боковую тропинку, обсаженную кустарником, которая, полого поднимаясь, огибала дом справа. Неожиданно тропинка вывела нас на небольшую площадку, откуда открывался вид на море. Здесь стояла скамейка и неподалеку от нее – ветхий сарай. В нескольких шагах отсюда шла аккуратная линия низенького кустарника, ограничивающая владения виллы. Мосье Бекс продрался сквозь кусты, и мы оказались на довольно широкой поляне. Я с удивлением огляделся вокруг.

– Пойдите, да ведь это же площадка для гольфа.

Бекс кивнул.

– Она, правда, еще не доделана, – пояснил он. – Надеюсь в следующем месяце ее закончить. Один из рабочих как раз и обнаружил здесь труп сегодня рано утром.

У меня внезапно перехватило дыхание. Чуть левее я заметил длинную узкую яму и рядом с нею... лежащее ничком тело! Сердце у меня в груди так и подпрыгнуло – неужели еще один труп! Но комиссар тут же развеял надежду: он подошел к «трупу» и раздраженно крикнул:

– И куда глядит полиция? Ведь я строго-настрого приказал никого сюда не пускать без особого разрешения.

Джентльмен, лежащий на земле, повернул голову и небрежно бросил:

– Да есть, есть у меня это самое разрешение.

И он неспешно поднялся на ноги.

– Мой дорогой мосье Жиро! – вскричал комиссар. – А я и не знал, что вы уже прибыли. Господин следователь ждет не дожидается вас.

Пока комиссар держал речь, я с любопытством разглядывал мосье Жиро. Я так много слышал о знаменитом сыщике парижской Сюртэ, и вот наконец мне довелось увидеть его. На вид ему было лет тридцать, рост – высокий, волосы и усы – темно-рыжие, военная выправка. Он держался довольно вызывающе, и видно было, что сознание собственной значительности просто распирает его. Бекс представил нас, отрекомендовав Пуаро как собрата по профессии. Искра любопытства зажглась в глазах сыщика.

– Наслышан о вас, мосье Пуаро, – сказал он. – Вы ведь были весьма заметной личностью в прежние времена. Но теперь у нас в криминалистике совсем иные методы.

– Хотя преступления по большей части все те же, – деликатно заметил Пуаро.

Я сразу понял, что Жиро испытывает к нам явную неприязнь. Видимо, его задело, что расследованием занимается кто-то еще, я чувствовал, что если ему посчастливится обнаружить важные улики, то он, вероятно, постарается скрыть их от нас.

– Господин следователь... – снова начал Бекс.

Но Жиро грубо перебил его:

– Плевать мне на господина следователя! Главное сейчас – успеть все сделать здесь, пока еще светло. Ведь осталось каких-нибудь полчаса. Об этом деле мне уже все известно, мои люди до утра перероют весь дом, но что касается улик, то их следует искать именно здесь, на этом месте. Это ваши полицейские затоптали тут все? Я-то думал, они теперь хоть немного поумнели.

– Конечно, поумнели. Ведь следы, которые вызвали ваше неудовольствие, оставили рабочие, обнаружившие тело.

В ответ мосье Жиро презрительно фыркнул.

– Я нашел следы там, где все трое продирались через кусты, но преступники – хитрые бестии. Удалось различить только следы мосье Рено, а свои они затерли. Мало того, что на такой твердой сухой земле все равно почти ничего не разглядишь, так они еще и подстраховались.

– Вещественные улики, – сказал Пуаро. – Именно это вы ищете, а?

Жиро в недоумении уставился на него.

– Ну, разумеется.

Легкая улыбка тронула губы Пуаро. Ему явно хотелось высказаться, но он сдержался. Он нагнулся и принялся рассматривать лопату.

– Ею и была вырыта могила – ясно как день, – заметил Жиро. – Но это мало что дает нам. Ведь это лопата из дома мосье Рено, а тот, кто рыл, был в перчатках. Вот они.

Он ткнул ботинком туда, где лежала пара испачканных землей перчаток.

– Перчатки тоже принадлежат мосье Рено или, по крайней мере, его садовнику. Говорю вам, эти парни все предусмотрели – ни одного промаха. Мосье Рено убит его собственным ножом, а могила вырыта его собственной лопатой. Убийцы полагают, что не оставили следов! Но мы еще посмотрим, кто кого. Всегда что-нибудь да остается! И я это найду!

Однако Пуаро, очевидно, заинтересовало что-то совсем другое, а именно короткий обрубок свинцовой трубы, лежащий рядом с лопатой. Он осторожно коснулся его пальцем.

– А эта штучка тоже принадлежала убитому? – спросил он, и мне почудилась легкая насмешка в его вопросе.

Жиро пожал плечами, давая понять, что не знает, да и знать не хочет.

– Небось давно здесь валяется. Во всяком случае, меня этот обрубок не интересует.

– А вот меня очень даже интересует, – промурлыкал Пуаро.

Ему просто охота позлить этого парижского выскочку, подумал я. И, кажется, ему это удалось. Мосье Жиро отвернулся, бросив довольно грубо, что не желает терять времени попусту, и, нагнувшись, снова принялся разглядывать что-то на земле.

А Пуаро, словно внезапно осененный какой-то догадкой, продрался сквозь кустарник на территорию виллы и подергал дверь сарайчика.

– Заперто, – бросил Жиро через плечо. – Там садовник держит всякий хлам, ничего интересного. Лопату взяли не здесь, а в сарае с инструментами, что возле дома.

– Изумительно, – с восторгом шепнул мне Пуаро. – Он здесь не более получаса, но все уже разнюхал! Великий человек! Нет сомнений, Жиро – крупнейший из современных сыщиков!

Признаюсь честно, хоть мне и не нравился этот самый Жиро, он произвел на меня довольно сильное впечатление. Казалось, энергия бьет в нем ключом. Тогда как Пуаро до сих пор еще никак не проявил себя. Это меня задевало. Его почему-то очень занимали какие-то глупости, пустяки, не имеющие к делу никакого отношения. Вот и тут в эту самую минуту он вдруг спросил:

– Мосье Бекс, скажите, прошу вас, что это за белая линия, которой очерчена могила? Это дело рук полицейских?

– Нет, мосье Пуаро, полиция здесь ни при чем. Таким образом на площадках для гольфа обычно указывают место, где будет так называемое «препятствие».

– Препятствие? – Пуаро обратился ко мне: – Это неправильной формы яма, заполненная песком с бортиком с одной стороны, да?

Я кивнул.

– Мосье Рено, конечно, играл в гольф?

– Да, он был отличным игроком. Именно благодаря ему и его щедрым пожертвованиям устраивалась эта площадка. И при составлении проекта его слово было решающим.

Пуаро рассеянно кивнул, а потом вдруг заметил:

– Не слишком-то удачное место они выбрали для могилы, ведь как раз здесь должны были рыть яму для «препятствия», а раз так, значит, тело сразу обнаружили бы.

– Верно! – торжествующе воскликнул Жиро. – Это как раз и доказывает, что преступники не из местных. Блестящий пример косвенной улики.

– Так-то оно так, – сказал Пуаро с сомнением. – Однако местные тоже могли бы зарыть здесь тело, но только в одном случае – если бы они хотели, чтобы его нашли! Нелепость какая-то, правда?

Но Жиро даже не потрудился ответить.

– Да-а, – повторил Пуаро как-то разочарованно. – Да... конечно... Нелепость!

Глава 7

Таинственная мадам Добрэй

Когда мы возвращались к дому, мосье Бекс, извинившись, что оставляет нас, поспешил, как он выразился, немедленно уведомить мосье Отэ о факте прибытия мосье Жиро. А сам мосье Жиро определенно обрадовался, когда Пуаро заявил, что уже посмотрел все, что хотел. Мы ушли, а мосье Жиро все еще ползал на четвереньках, дотошно осматривая и ощупывая каждый сантиметр, и я невольно восхитился им. Пуаро, видимо, угадал мои мысли и, когда мы остались одни, заметил не без сарказма:

– Ну, наконец-то вы познакомились с сыщиком, который вызывает у вас восхищение. Человек-ищейка! Что, я не прав?

– Во всяком случае, он хоть что-то делает, – возразил я довольно дерзко. – Уж если остались улики, не сомневайтесь – он их отыщет. А вы...

– Eh bien! А я уже кое-что нашел! Кусок трубы, например.

– Какая чепуха, Пуаро. Вы же понимаете, что эта труба не имеет к делу никакого отношения. Я говорю о мельчайших уликах, которые неизбежно приведут нас к убийцам.

– Mon ami, улика – всегда улика, будь она длиной в два фута или в два миллиметра! Почему улики непременно должны быть микроскопическими? Какие романтические бредни! А что до свинцовой трубы, так это Жиро внушил

вам, что она не имеет отношения к делу. Нет, нет, ни слова более. Пусть Жиро ищет свои улики, а я буду думать. Этот случай кажется простым, однако... однако, топ аті, многое меня здесьстораживает! Вы спросите почему. Во-первых, часы, которые уходят на два часа вперед. Затем еще целый ряд мелочей, которые не стыкуются друг с другом. Например, если убийцы хотели просто отомстить мосье Рено, они убили бы его, когда он спал, и дело с концом. Почему они так не сделали?

- Но ведь они хотели получить какие-то документы? - напомнил я.

Пуаро брезгливо стряхнул пылинку с рукава.

- Ну, и где же эти «документы»? Предположительно, где-то довольно далеко, ибо убийцы заставили мосье Рено одеться. Однако труп найден совсем близко от дома, почти в пределах слышимости. Или еще - неужели по чистой случайности орудие убийства, этот кинжальчик, будто нарочно оказался под рукой?

Он помолчал, нахмурившись, потом снова заговорил:

- Почему служанки ничего не слышали? Их что, снотворным опоили? Может быть, был сообщник? Может быть, именно он проследил, чтобы парадная дверь была отперта? Интересно, как...

Тут он круто остановился. Мы подошли как раз к аллее перед домом. Пуаро неожиданно обратился ко мне:

- Друг мой, я намерен вас удивить и... порадовать! Ваши упреки не оставили меня равнодушным! Будем изучать следы!

- Где?

- Вот тут, на клумбе, справа. Мосье Бекс говорит, это следы садовника. Проверим, не ошибается ли он. Смотрите, вот и сам садовник идет сюда со своей тачкой.

И впрямь пожилой садовник катил по аллее тележку с рассадой. Пуаро подозвал его, и он, опустив тачку, прихрамывая, подошел к нам.

- Вы хотите попросить у него сапог и сравнить его с отпечатком, да? - спросил я, затаив дыхание. Моя вера в Пуаро начала возрождаться. Раз он сказал, что следы на этой клумбе необычайно важны, стало быть, так и есть.

- Точно, - ответил Пуаро.

- А что он подумает? Наверное, ему это покажется странным?

- Он вообще ничего не подумает, вот увидите.

Нам пришлось замолчать, так как старик уже подошел к нам.

- Вы звали меня, мосье?

- Да. Вы ведь давно здесь служите, не так ли?

- Двадцать четыре года, мосье.

- Вас зовут...

- Огюст, мосье.

- Я просто в восторге от этих чудных гераней. Право, они превосходны. И давно посажены?

- Довольно давно, мосье. Но, конечно, чтобы клумба всегда имела вид, надо подсаживать свежие цветы, а те, что отцвели, срезать, да еще не лениться и выкапывать старые кустики.

- Кажется, вы вчера посадили несколько новых кустиков, да? Вот там, в середине, и на другой клумбе тоже?

- У мосье острый глаз. Пройдет день-два, и они приживутся. Вчера вечером я посадил по десять новых на каждую клумбу. Мосье знает, конечно, что нельзя сажать, когда палит солнце.

Видно, Огюсту очень польстило, что Пуаро так интересуется цветами, и он охотно разговорился.

– Какой великолепный цветок! Вон там, – сказал Пуаро. – Вы не могли бы срезать его для меня?

– Охотно, мосье.

Старик ступил на клумбу и бережно срезал цветок, который так понравился моему другу.

Пуаро рассыпался в благодарностях, и Огюст вернулся к своей тачке.

– Ну, видите? – сказал с улыбкой Пуаро, нагнувшись к клумбе и рассматривая след сапога, подбитого гвоздями. – Все очень просто.

– А я и не сообразил...

– Что можно не разуваться? Не желаете пошевелить мозгами, а зря. Ну, как отпечаток? Что скажете?

Я принялся внимательно разглядывать клумбу.

– Все следы на этой клумбе оставлены его сапогами, – изрек я наконец после усердного изучения объекта.

– Вы так думаете! Eh bien! Я согласен с вами, – отозвался Пуаро, но как-то безразлично, словно мысли его были заняты уже чем-то другим.

– Во всяком случае, – заметил я, – поздравляю: теперь у вас одним заскоком меньше.

– Mon Dieu! Что за выражение! Что это значит?

– Просто я хотел сказать, что вы можете наконец расстаться с вашей навязчивой идеей по поводу этих следов.

Однако Пуаро, к моему удивлению, покачал головой.

– О нет, mon ami. Теперь наконец я на верном пути. Правда, я еще блуждаю в потемках, но, как я намекнул уже мосье Бексу, эти следы – самое важное и интересное во всей истории! Бедняга Жиро! Не удивлюсь, если он вообще их не заметит.

В этот момент парадная дверь отворилась, и по ступенькам крыльца спустились мосье Отэ с комиссаром.

– Ах, мосье Пуаро, а мы вас как раз разыскиваем, – сказал следователь. – Становится поздно, а я хотел бы еще нанести визит мадам Добрэй. Она, конечно, весьма удручена смертью мосье Рено, но, может быть, нам повезет и мы от нее получим ключ к разгадке этой трагедии. Возможно, мосье Рено именно ей доверил тайну, которую скрывал от жены. Ведь он был так страстно увлечен мадам Добрэй. Уж нам-то с вами известно, что в таких случаях даже самые сильные и твердые из нас теряют голову.

Мы молча присоединились к ним. Впереди шли Пуаро со следователем, а мы с комиссаром немного поотстали.

– Не сомневаюсь, что в основном Франсуаза рассказала нам все как было, – сообщил он мне доверительно. – Я тут навел кое-какие справки по телефону. Оказывается, за последние шесть недель, то есть с тех пор, как мосье Рено поселился в Мерлинвиле, на банковский счет мадам Добрэй трижды поступали крупные суммы денег. В общей сложности двести тысяч франков!

– Господи! Да ведь это же около четырех тысяч фунтов! – подсчитал я.

– Совершенно верно. Да, мосье Рено, вероятно, совсем потерял голову. Остается выяснить, доверил ли он ей эти секретные документы. Следователь преисполнен надежд, но я не разделяю его настроений.

Беседуя, мы шли по тропе по направлению к развилке, где днем останавливался наш автомобиль. Тут-то я и сообразил, что вилла «Маргерит», где обитает таинственная мадам Добрэй, это и есть тот самый домик, откуда появилась девушка, поразившая меня своей красотой.

– Мадам Добрэй живет здесь уже много лет, – сказал комиссар, кивнув в сторону дома. – Живет тихо и скромно. Кажется, у нее нет ни друзей, ни родственников, только те знакомые, с кем она поддерживает отношения здесь, в Мерлинвиле. Она никогда не говорит о своем прошлом, о муже. Неизвестно даже, жив ли он. Понимаете, ее окружает какая-то тайна.

Я кивнул, мое любопытство росло.

– А... ее дочь? – отважился спросить я наконец.

– Прекрасная молодая девушка! Скромная, набожная, словом, все как полагается. Жаль ее, ведь она-то может и не знать ничего о прошлом своей семьи, но тот, кто захочет предложить ей руку и сердце, вправе рассчитывать, что его посвятят в семейные дела, и тогда... – Тут комиссар с сомнением пожал плечами.

– Но ведь это не ее вина! – воскликнул я, чувствуя, как во мне закипает гнев.

– Разумеется, но что вы хотите? Обычно мужчины очень щепетильны, когда дело касается родственников будущей жены.

Мне пришлось воздержаться от возражений, ибо мы уже подошли к двери. Мосье Отэ позвонил. Прошло несколько минут, потом мы услышали шаги, и дверь отворилась. На пороге стояла та самая юная богиня, которая поразила мое воображение. Когда она увидела нас, кровь отхлынула от ее лица, оно покрылось мертвенной бледностью, а глаза расширились от страха. Было очевидно, что она до смерти напугана!

– Мадемуазель Добрэй, – начал мосье Отэ, снимая шляпу. – Бесконечно сожалею, что пришлось побеспокоить вас, но закон требует... понимаете ли... Передайте поклон вашей матушке. Не соблаговолит ли она уделить мне несколько минут?

Девушка на мгновение замерла. Ее левая рука была прижата к груди, точно она силилась унять бешено колотящееся сердце. Потом, овладев собой, она тихо сказала:

– Пойду узнаю. Входите, пожалуйста...

Она вошла в комнату налево, и мы услышали ее тихий шепот. Затем другой голос, похожий на голос девушки, но с твердыми нотками, проскальзывающими в певучей интонации, сказал:

- Ну, разумеется. Проси их.

Минуту спустя мы оказались лицом к лицу с таинственной мадам Добрэй.

Ростом она была пониже дочери, но округлые формы ее фигуры пленяли очарованием цветущей зрелости. Волосы, не золотистые, как у дочери, а темные, были разделены строгим пробором, что придавало ей некое сходство с Мадонной[41 - Мадонна - итальянское название Богородицы, матери Иисуса Христа (букв.: «моя госпожа»)]. Глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, сияли голубизной. Заметно было, что она уже не молода, хотя прекрасно сохранилась и не утратила обаяния, которое не зависит от возраста.

- Вы хотели видеть меня, мосье? - спросила она.

- Да, мадам. - Мосье Отэ кашлянул. - Я расследую дело о смерти мосье Рено. Вы, наверное, уже слышали об этом?

Она молча наклонила голову. В лице ее не дрогнул ни один мускул.

- Мы хотели бы просить вас, если позволите... э-э... пролить свет на обстоятельства дела.

- Меня? - спросила она, крайне удивленная.

- Да, мадам. У нас есть основания предполагать, что вы имели обыкновение по вечерам навещать покойного мосье Рено. Так ли это?

Легкий румянец выступил у нее на щеках, но ответила она совершенно невозмутимо:

- Полагаю, вы не вправе задавать мне подобные вопросы!

- Но мы ведь расследуем убийство, не забывайте об этом, мадам.

- Ну и что же? Я не имею к этому ни малейшего отношения.

- Мы пока вас ни в чем не обвиняем, мадам. Однако вы хорошо знали покойного. Говорил ли он вам, что ему грозит опасность?

- Нет, никогда.

- Не рассказывал ли он вам о своей жизни в Сантьяго? Не упоминал ли о том, что у него там есть враги?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кале - город во Франции на проливе Па-де-Кале, отделяющем Францию от Англии.

2

Биллингсгейт - большой рыбный рынок в Лондоне.

3

Фразеологическое выражение, означающее: скудно, впроголодь питаться (акриды – род съедобной саранчи).

4

Амьен – город на севере Франции на реке Сомма, где во время Первой мировой войны в августе 1918 года англо-французские войска провели крупную наступательную операцию против немецких армий, которая привела к поражению Германии и ее последующей капитуляции.

5

Имя героини народной сказки о Золушке в версии французского писателя Ш. Перро (1628–1703).

6

Мой друг (фр.).

7

Дувр – город и порт в Великобритании в графстве Кент у пролива Па-де-Кале, ближайший к европейскому берегу.

8

Организация детей и юношества (с 8 до 20 лет), возникшая в Англии в 1908 году и проповедующая христианские моральные ценности, здоровый образ жизни, патриотизм, физическое развитие.

9

Вокзал Виктория – крупный лондонский вокзал, откуда отправляются поезда к портам на южном побережье Англии.

10

Не так ли? (фр.)

11

Бог мой! (фр.)

12

Ну конечно же (фр.).

13

Булонь – город и порт на западе Франции у пролива Па-де-Кале.

14

Хартфордшир – графство в Англии недалеко от Лондона.

15

Сити – самоуправляющийся административный район в восточной части Лондона, один из крупнейших финансовых и коммерческих центров мира.

16

Предвещающий несчастье (шотл.).

17

Сам не знаю чего (фр.).

18

Ну начинается! (фр.)

19

Вот! (фр.)

20

Старина (фр.).

21

Остенде – морской курорт на северо-западе Бельгии.

22

Черт побери! (фр.)

23

Сюртэ – традиционное название французской уголовной полиции.

24

Виконт – дворянский титул в некоторых странах Западной Европы, в частности во Франции, средний между бароном и графом.

25

Английский милорд – очень богатый (фр.).

26

Очень шикарная (фр.).

27

Ей-ей (фр.).

28

Английские манеры! (фр.)

29

Вот так! (фр.)

30

Ах да (фр.).

31

Не так ли? (фр.)

32

Так! (фр.)

33

Смотри-ка (фр.).

34

Бертильон А. (1853-1914) – французский криминалист, разработавший систему приемов судебной идентификации личности, включавшую словесный портрет, описание особых примет и др. и применявшуюся полицией во всех странах до начала XX века.

35

Сильная женщина (фр.).

36

Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 годов.

37

Буэнос-Айрес – столица Аргентины.

38

Шербур – город и порт во Франции у пролива Ла-Манш.

39

Ну что ж! (фр.)

40

Бедная женщина (фр.).

41

Мадонна – итальянское название Богородицы, матери Иисуса Христа (букв.: «моя госпожа»).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/agata-kristi/ubiystvo-na-pole-dlya-golfa-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)